

А. Крыловский

**Львовское Ставропигиальное
братство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. Крыловский**
Львовское Ставропигиальное братство / А. Крыловский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2020. – 580 с.

ISBN 978-5-458-43107-1

Книга содержит исследование истории религии на Украине в конце XVI -
начале XVII вв.

ISBN 978-5-458-43107-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

ническимъ образомъ, свидѣтельствуешь, между прочимъ, фактъ очень большой распространенности и популярности ихъ въ свое время; о связи же ихъ съ нѣкоторыми западно-европейскими учреждениями свидѣтельствуешь сходство уставовъ послѣднихъ съ уставами братскими. Только по этому мнѣнiю, указываемое сходство западно-русскихъ братствъ нужно искать не въ устройствѣ ремесленныхъ цеховъ, а въ духовныхъ западно-европейскихъ гильдiяхъ.

Замѣчательное мнѣнiе по данному вопросу принадлежитъ профессору С. Т. Голубеву. Онъ заявляетъ, что всѣ изслѣдователи, трактуя о происхожденiи братствъ, упускаютъ изъ виду одно весьма характерное явленiе въ исторiи южно-русской церкви,—явленiе, по его мнѣнiю, имѣющее существенное значенiе при рѣшенiи означеннаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, при выясненiи ближайшихъ поводовъ, содѣйствовавшихъ развитiю и процвѣтанiю братскихъ союзовъ въ юго-западной Россiи. Профессоръ Голубевъ имѣетъ въ виду такъ называемое *право патронатства*, составлявшее одну изъ выдающихся особенностей церковно-исторической жизни нашего юго-запада, особенно въ XV—XVII столѣтiяхъ. Охарактеризовавъ два извѣстныхъ вида патроната—господарскiй и владѣльчeskiй, почтенный изслѣдователь говоритъ: патронатъ господарскiй, обнимая всю южно-русскую церковь, имѣлъ практическое примѣненiе собственно къ болѣе или менѣе обильнымъ духовнымъ хлѣбамъ (епископiямъ и важнѣйшимъ монастырямъ); владѣльчeskiй патронатъ простирался на помѣстья ихъ собственниковъ. Но въ западно-русскихъ областяхъ были церкви, находящiяся на территорiи, такъ сказать, нейтральной, не принадлежавшей къ помѣстьямъ землевладѣльчeskимъ. Г. Голубевъ имѣетъ въ виду церкви, находившiяся преимущественно въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Вотъ по отношенiю къ этимъ-то церквамъ, мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ патроната—*патронатомъ коллективнымъ*. Патронами въ данномъ случаѣ являются всѣ прихожане церкви. Этотъ видъ патроната въ общихъ чертахъ имѣлъ сходство съ патронатомъ владѣльчeskимъ. Какъ магнаты и паны заботились о

благоустройствѣ своихъ церквей, такъ подобную имъ заботу о своихъ храмахъ имѣли и горожане; какъ первые считали себя полноправными хозяевами въ церковныхъ дѣлахъ, такъ стремились къ этому и послѣдніе.

Но, какъ явленіе *коллективное*, совмѣстный патронатъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ проявить въ своемъ развитіи теченіе, рѣзко отличающее его отъ патроната владѣльческаго—единоличнаго. Послѣдній, имѣя въ основѣ преимущественно права собственника и находясь въ зависимости отъ единоличной только его воли, не могъ быть строго регламентированъ какими либо точнѣйшими опредѣленіями. Напротивъ, въ патронатѣ коллективномъ это являлось необходимымъ, неизбѣжнымъ. Совмѣстное участіе въ общемъ дѣлѣ вело къ болѣе или менѣе точному опредѣленію правъ каждаго участника, его обязанностей, установленію взаимныхъ отношеній между членами и т. п., словомъ вело къ выработкѣ того или иного устава, тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ правилъ. Древне-русскій порядокъ народнаго самоуправленія, вѣроятно, еще не исчезнувшая память о прежнихъ братчикахъ, преимущественно же господствовавшіе въ то время въ Литовско-Польскомъ государствѣ нѣмецкое право и западно-европейскія гильдіи,—совокупность всего этого, безъ сомнѣнія, могло имѣть не малое вліяніе на выработку означенныхъ порядковъ (уставовъ). Но все это скорѣе были питательные соки, дававшіе жизнь означенному корпоративному учрежденію, группировавшемуся около церкви, чѣмъ корнями этого учрежденія, развивагося въ послѣдствіи до широкихъ размѣровъ и получившаго названіе *братствъ*.

Это мнѣніе профессора Голубева, отмѣченное критикою, какъ выдающееся, „очень убѣдительное“, въ настоящее время можетъ считаться общепринятымъ*). Дѣйствительно, оно наиболѣе всего

*) Русская Мысль за 1887 г., м. февраль, библиографическій отдѣлъ, стр. 86—87.

оправдывается исторією западно-русскихъ братствъ, пережившихъ нѣсколько фазъ своего бытія.

Присоединяясь къ означенному мнѣнію профессора С. Т. Голубева, мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ сдѣлать предположеніе о вліяніи, хотя бы то и незначительномъ, при устройствѣ западно-русскихъ братствъ и единовѣрной Греціи. Юго-западная Русь, особенно Галицкая, безъ сомнѣнія, была знакома съ исторією и порядками, существовавшими на православномъ Востокѣ, а эта исторія и порядки не лишены нѣкоторыхъ аналогичныхъ чертъ съ исторією западно-русской церкви.

Извѣстно, что Греція съ VII вѣка начала подвергаться нашествіямъ иновѣрцевъ. Это не могло не отразиться на благосостояніи православной церкви, подвергавшейся всевозможнымъ насиліямъ со стороны поработителей. Подобное положеніе дѣлало православныхъ сосредоточивать лучшія свои силы около храмовъ, принимая на себя защиту, устройство и украшеніе ихъ, и доставляя поддержку бѣднымъ и разореннымъ соотечественникамъ. Сосредоточивая около себя патронатство лучшихъ людей, храмы съ ихъ прихожанами составляли тамъ какъ бы братства, подобныя западно-русскимъ. Особенно надобность въ такомъ патронатствѣ и единомудріи между православными прихожанами обнаружилась въ то время, когда Константинополь подпалъ подъ власть крестоносцевъ и кровавая борьба латинства, вооружившагося огнемъ и мечемъ на православіе, достигла крайнихъ размѣровъ, и если въ это время всѣ менѣе стойкіе и слабые члены церкви отпадали отъ нея, то оставшіеся вѣрными православію лучшіе люди употребляли всевозможныя усилія къ охраненію своей православной вѣры отъ инославныхъ посягательствъ,—что въ концѣ концовъ и послужило основою для образованія здѣсь братствъ. Историческіе слѣды существованія послѣднихъ мы можемъ видѣть въ братствѣ Венеціанскомъ, *имѣющемъ въ своемъ устройствѣ не мало аналогичныхъ чертъ съ братствами западно-русскими.*

Въ первый періодъ своего существованія, до 80-хъ годовъ XVI столѣтія сущность устройства и задачи братствъ были не сложны. Въ какомъ либо городскомъ приходѣ лучшіе, болѣе ревностные прихожане рѣшаются урегулировать свои отношенія къ приходскому храму и взаимныя—между собою, съ каковою цѣлю и приступаютъ къ организаціи братства.. Составляется списокъ лицъ, желающихъ вступить въ число братчиковъ, и пишется уставъ. Содержаніе послѣдняго не сложно: братчикъ долженъ жить по христіански, посѣщать хоть разъ въ недѣлю церковныя братскія службы, дѣлать извѣстный небольшой взносъ (складчину) на благоуукрашеніе своего храма, для взаимнаго вспоможенія членамъ братства, на раздачу милостыни бѣднымъ и другія дѣла благотворенія; долженъ участвовать въ братскихъ собраніяхъ, преимущественно для распредѣленія на указанные потребности братскихъ суммъ, приносить и принимать въ храмовые праздники пожертвованія сотами, изъ которыхъ выдѣлывался воскъ на церковныя свѣчи и вываривался медъ (питой), безпошлинное приготовленіе котораго въ опредѣленный, непродолжительный промежутокъ времени, предъ большими праздниками, составляло привилегію братчиковъ. Даруемую имъ правительствомъ. Часть этого меда выпивало само братство въ общихъ собраніяхъ, бывшихъ послѣ литургіи въ храмовые праздники, остальную часть продавало и выручку употребляло на нужды своей церкви. Братскіе уставы того времени съ особенною подробностію говорятъ именно объ означенныхъ собраніяхъ, заканчивавшихся пиршествами или, точнѣе, о самыхъ пиршествахъ. Во время пира братчикамъ вмѣнялось въ обязанность вести себя чинно и благопристойно: не напиваться до пьяна, на столъ не ложиться, непотребныхъ срамныхъ словъ не произносить, „ростырокъ“, т. е. ссоръ не заводить, другъ друга не оскорблять и т. п. Вообще пиршество должно было происходить *со вѣсьмъ благообразіемъ, во славу Божию*. Братчики, наконецъ, обязаны были присутствовать при погребеніи умершаго брата и его поминовеніи.

VI

Члены братства подраздѣлялись на *старшихъ* и *младшихъ*; изъ числа первыхъ избирались срокомъ на одинъ годъ старшины, называвшіеся *старостами*, или *рочными*, т. е. годовыми, *справцами*. Они были представителями братства и завѣдывали его судебно-административными дѣлами и братскою казною. По окончаніи года старшины обязаны были давать остальнымъ членамъ подробные отчеты относительно своей дѣятельности. Въ это уже время замѣтно въ братствахъ стремленіе къ автономіи и самоуправленію. Всѣ проступки братчиковъ (исключая дѣлъ уголовныхъ) рѣшались судомъ братскимъ: уклоненіе отъ этого суда (обращеніе къ обыкновеннымъ судамъ—духовнымъ или свѣтскимъ) строго возбранялось. Виновные въ нарушеніи братскихъ обязанностей наказывались, преимущественно, денежными штрафами, шедшими въ братскую казну; практиковались, впрочемъ, и другіе способы наказанія (напр. въ Львовскомъ братствѣ провинившихся братчиковъ заключали на нѣкоторое время въ карцеръ, устроенный съ этою цѣлію на колокольнѣ).

Таковы были въ существенныхъ чертахъ организація западно-русскихъ церковныхъ братствъ и преслѣдуемыя ими задачи къ концу перваго періода ихъ существованія.

Съ 80-хъ годовъ XVI столѣтія дѣятельность и задачи братствъ быстро расширяются и видоизмѣняются: древнѣйшія и передовыя изъ нихъ, каковы въ особенности Львовское и Виленское, являются инициаторами и организаторами религиозно-просвѣтительныхъ учреждений и принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ крупныхъ церковно-историческихъ событіяхъ того времени. Къ 20-ымъ и 30-мъ годамъ XVII столѣтія означенная дѣятельность братствъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. Взоры всѣхъ православныхъ южно-руссовъ были обращены на нихъ, какъ на твердую опору и защиту со стороны иновѣрцевъ.

Расширеніе означенной дѣятельности западно-русскихъ братствъ обуславливалось историческими обстоятельствами того времени.

Извѣстно, что съ конца XVI столѣтія, со времени введенія іезуитовъ въ Польшу и Литву, въ западно-русскихъ областяхъ усилалась пропаганда католицизма, которая, будучи искусно организована, угрожала серьезными опасностями православной вѣрѣ и русской народности. Эта опасность представлялась тѣмъ болѣе грозною, что къ указанному времени православные западно-руссы не располагали достаточными научными средствами для отраженія нападений своихъ религіозныхъ противниковъ, облеченныхъ во всеоружіе науки. Опасность отъ иностранной пропаганды была весьма велика и потому, что указываемые поборниками папизма безпорядки въ церковной жизни южно-русскаго общества, служившіе, по мнѣнію пропагандистовъ, якобы нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности самого православія,—имѣли здѣсь мѣсто...

Грустиѣе всего было то, что само высшее духовенство—представители западно-русской церкви (митрополиты и епископы), на которыхъ лежала прямая обязанность имѣть попеченіе о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ, не стояли на высотѣ своего положенія: занимали кафедры безъ надлежащей подготовки къ прохожденію высокаго іерархическаго служенія, смотрѣли въ большинствѣ случаевъ на свои мѣста съ утилитарной точки зрѣнія (какъ на доходную статью) и даже нерѣдко вступали на нихъ съ нарушеніями каноническихъ постановленій (при живыхъ женахъ, съ которыми продолжали сожительствовать, двоеженцы и т. п.). Естественно, что авторитетъ высшей іерархіи въ западно-русскихъ областяхъ въ указанное время былъ совершенно поколебленъ и мнѣніе о ней въ православномъ обществѣ было самое незавидное. Это мнѣніе съ полною наглядностію оправдалось: большинство іерарховъ, во главѣ съ митрополитомъ, „влекомые“,—какъ говорится въ одномъ литературномъ памятникѣ того времени, „большою алчбою и жаждою достатковъ“, измѣнили православію и перешли въ унию. Пребыли вѣрными православію только два епископа—Львовскій Гедeonъ Балабанъ и Перемышльскій Михаилъ Копыстинскій,—да и тѣ не безъ нѣкотораго колебанія.

Такимъ образомъ, западно-русская церковь осталась почти безъ верховныхъ пастырей. Пропагандисты католицизма торжествовали. Они ласкали себя надеждою, что недалеко то время, когда и весь южно-русскій народъ воспослѣдуетъ примѣру своихъ духовныхъ архипастырей и склонить свою голову къ подножію папскаго престола; ибо послѣ провозглашенія религиозной уніи на Брестскомъ соборѣ 1596 года, свобода вѣроисповѣданія православныхъ была стѣснена, и Польскій король, какъ „раздаатель“ высшихъ духовныхъ должностей, порѣшилъ не давать сихъ должностей избранникамъ на оныя православныхъ. Существованіе православной іерархіи, съ государственной точки зрѣнія, какъ бы прекращалось.

Но надеждамъ поборниковъ папизма и уніи не суждено было осуществиться. Сильна была въ русскомъ народѣ любовь къ православнои вѣрѣ; велика была его преданность къ Константинопольской столицѣ, откуда возсіялъ для него свѣтъ христіанской вѣры. Могуча и вынослива русская натура!

Усилившаяся пропаганда папизма, разрѣшившаяся Брестскою уніею, была сильнымъ толчкомъ, пробудившимъ какъ бы дремавшія доселѣ силы православныхъ южно-руссовъ, изъ среды которыхъ выдвигается цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей—ратоборцевъ за интересы православія и русской народности. Этими ратоборцами сдѣлано было много. Но, безъ сомнѣнія, первенствующія заслуги для юго-западной русской православной церкви въ эту тяжелую, нестерпимо тяжелую для нея годину, оказали *церковныя братства*, одушевленные древне-христіанскою равностію къ своей религіи и умѣло, на сколько это было возможно при наличныхъ средствахъ,—воспользовавшіяся сгруппировавшимися около нихъ силами для устроенія распатанныхъ въ предшествующее время церковныхъ дѣлъ, для отраженія посягательствъ на церковь со стороны иновѣрія, для охраненія чистоты православія.

Относительные успѣхи братствъ, въ это тяжелое для православной церкви время, заключались въ ихъ *коллективности и спло-*

ченности. И единоличный патронатъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, какъ мы замѣтили, оказалъ въ рассматриваемое время правъ славію большія услуги. Но это былъ мечъ обоюдоострый, такъ какъ, подъ вліяніемъ латинно-уніатской пропаганды патроны нерѣдко измѣняли праетической вѣрѣ и дѣлались злѣйшими ея врагами (какъ это, напримѣръ, случилось съ прежнимъ ревнителемъ православія Скуминомъ—Тишкевичемъ, потомствомъ князя К. Острожскаго, и др.). Правда, измѣнники находились и между братчиками, но такія лица тотчасъ же исключались изъ братскихъ списковъ и мѣсто ихъ быстро восполнялось именами вновь поступавшихъ членовъ, доступъ въ которые для лицъ, ревнующихъ о вѣрѣ, былъ широко открытъ. Значеніе и сила братствъ, заключающіяся въ ихъ коллективности, скоро были сознаны всѣми православными, а въ томъ числѣ и самими единоличными патронами, въ особенности, когда ряды ихъ вачали замѣтно рѣдѣть, вслѣдствіе измѣны православію многихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. Ревностные патроны, оказавшіеся вѣрными православію, стали сами примыкать къ братствамъ, стали заносить свои имена въ братскіе списки. Средостѣніе, отдѣлявшее знатнаго пана отъ простаго ремесленника или какой либо убогой Натальи, на почвѣ религиозныхъ интересовъ, ступшеывалось. Патронатъ единоличный сливается съ патронатомъ коллективнымъ. Братства, стремившіяся осуществить, по мѣрѣ возможности, образцы единодушія, любви и усердія къ вѣрѣ, какъ у христіанъ первыхъ вѣковъ, не ограничивались,—что видимъ въ первый періодъ ихъ существованія,—призывомъ къ себѣ членовъ изъ своего только прихода, но радушно открывали свои «уписы» для всѣхъ, ревнующихъ о вѣрѣ, къ какому бы классу они ни принадлежали и какъ бы далеко ни жили. Замѣчается въ это время увеличеніе и самого числа братствъ, съ быстротою возраставшихъ почти ежегодно. Эти нововозникшія братства, обыкновенно, принимаютъ для руководства уставы братствъ старѣйшихъ и, по мѣрѣ возможности и матеріальныхъ средствъ,

стараятся подражать въ своей дѣятельности этимъ образцовымъ братствамъ.

Отмѣтимъ существенныя черты дѣятельности западно-русскихъ братствъ за указанное время.

Прежнія религіозныя задачи братствъ, касавшіяся благоустройства и благоуукрашенія церквей, теперь значительно расширяются. Братскими уставами заботливость о немущихъ выдвигается на первый планъ, какъ дѣло христіанской любви; заботливость эта простирается не только на членовъ братства, но и вообще на всѣхъ, требующихъ матеріальной помощи. Съ этою дѣлю почти при всѣхъ братствахъ устраиваются богадѣльни, больницы, — такъ называемые „шпитали“, — содержимыя на братскія средства. Заботливость о благолѣпіи храмовъ Божіихъ выражается въ устройствѣ новыхъ церквей, на сооруженіе которыхъ братчики, хорошо сознавшіе значеніе для православія этого благолѣпія, не щадятъ огромныхъ издержекъ. Но заботясь о благолѣпіи церквей, братчики не меньшую заботливость въ данное время прилагаютъ и о томъ, чтобы служеніе въ сихъ церквахъ было по *чину и благообразно*. Въ этихъ видахъ обращено было самое серьезное вниманіе на избраніе священнослужителей. Избирались лица, строго удовлетворявшія каноническимъ постановленіямъ: посвященныя правильно (не на мздѣ), опытыя, богобоязненныя, учительныя. Требовалось, чтобы церковныя службы совершаемы были ими возможно чаще, а въ братствахъ при монастыряхъ ежедневно, по уставу, безъ пропусковъ, съ надлежащимъ благолѣпіемъ. Обращено было серьезное вниманіе на церковное пѣніе, которое въ прежнее время своею нестройностію и неблагозвучіемъ вызывало въ значительной степени справедливыя нареканія и насмѣшки со стороны иновѣрцевъ. Это неблагозвучное (извѣстное подъ именемъ *холоваго*) пѣніе замѣнено было въ братствахъ стройнымъ и благозвучнымъ (т. е. партеснымъ). Въ особенности обращено было братствами вниманіе на *проповѣданіе слова Божія* въ ихъ церквахъ. Въ предъидущее время церковная проповѣдь въ западно-русскихъ областяхъ совершенно прекратилась.

«Умолкли православные проповѣдники. Наступилъ гладъ слышанія слова Божія». Братствами возрожденъ былъ институтъ проповѣдниковъ. Нужно быть знакомымъ съ памятниками того времени, чтобы понять то значеніе, которое придавали братства хорошей постановкѣ у нихъ проповѣдничества. Сколько по этому поводу предпривимаемо было хлопотъ, письменныхъ сношеній, поѣздокъ, сопряженныхъ съ немалыми издержками и т. п.! И старанія братчиковъ въ этомъ отношеніи не были безплодными. Дошедшіе до насъ, отчасти въ печатномъ видѣ, отчасти въ рукописяхъ, памятники проповѣдничества того времени заслуживаютъ полнаго вниманія, въ особенности не предназначенные для печати, какъ чуждые схоластики и отличающіеся большою задумчивостію и добрыми назиданіями. Одного изъ братскихъ проповѣдниковъ первой четверти XVII столѣтія современники сравнивали по краснорѣчію даже съ св. Іоанномъ Златоустымъ (именно Леонтія Карповича).

Еще большую услугу оказали въ данное время братства своими религиозно-просвѣтительными учрежденіями, къ каковымъ, преимущественно, должно отнести *школы и типографіи*.

Извѣстно, что до конца XVI столѣтія уровень просвѣщенія въ юго-западной Руси находился крайне не на высокой степени. Школъ было мало, да и въ тѣхъ обученіе ограничивалось исключительно умѣньемъ читать и писать. Любознательные южно-русссы, желавшіе, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, удовлетворить жажду познаній, должны были отправляться для полученія образованія въ школы и коллегіи польскія или заграничныя, что иногда не оставалось безъ вліянія на устойчивость ихъ религиозныхъ убѣжденій. Вредъ для православія, происходившій отъ немѣнна собственныхъ школъ, ясно сознаваемъ былъ дальновидными южно-руссами, въ особенности въ виду грозно наступавшей и обремененной во всеоружіе науки иновѣрной пропаганды. Много повредило, говорили они, русскому государству то, что православные не могли имѣть школъ и науки и не заботились объ ихъ основаніи. Если бы имѣли науку, то „за невѣдомостію своею не пришли бы до таковыя погибели“.